

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 04 марта 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 16.03.2020), основанному на информации старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета Российской Федерации Б.

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 15 июля 2020 года дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р. в заседание Совета не явился, дополнительных документов не представил, ходатайств не заявил.

Совет, руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного разбирательства не препятствует разбирательству и принятию решения, а также с учётом того, что адвокатом Р. ранее давались объяснения, рассмотрел дисциплинарное производство в его отсутствие.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии от 15 июля 2020 года она получила, ознакомилась, частично с ним не согласна. Поясняя свою позицию, представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве указала, что на странице 11 Заключения Квалификационной комиссии приведена ссылка на Определение Конституционного Суда Российской Федерации и соответствующую правовую позицию. Между тем, Квалификационная комиссия пришла к противоположным выводам. По ее мнению, действия адвоката Р. прямо противоречат приведенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Она полагает, что УПК РФ не запрещает фотографировать протокол следственного действия после его подписания, а до подписания – не разрешает.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии, материалы дисциплинарного производства, выслушав представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета РФ генерал-майора юстиции Б. находится уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пп. «б», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Защиту К. осуществляет адвокат Р. на основании ордера № ..., выданного Адвокатским бюро города Москвы «Д.» 19 ноября 2019 года.

24 декабря 2019 года следователем следственной группы Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации подполковником юстиции М. в служебном помещении № 102 Следственного комитета Российской Федерации, расположенном по адресу: город Москва, Технический пер., д. 2, в период с 12.05 час. по 19.12 час. проводилась очная ставка между обвиняемыми Ми. и К., в которой участвовал адвокат Р. в качестве защитника К.

Как усматривается из светоконии протокола очной ставки от 24 декабря 2019 года, представленной Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве в материалы дисциплинарного производства совместно с представлением, на предпоследнем листе протокола следователем следственной группы М. указано: *«Перед началом, в ходе либо по окончании очной ставки от участвующих лиц – обвиняемых Ми., К. и их защитников У., Р., следователя следственной группы Ме. заявления не поступили, Содержание заявлений: нет».*

В этом же протоколе после изложенных выше сведений адвокатом – защитником Р. сделана запись следующего содержания: *«Заявления: От подписи не отказываюсь, однако, в ознакомлении с протоколом очной ставки путем использования технического средства – телефона, следователем безосновательно отказано, что препятствует оказанию мной К. квалифицированной юридической помощи».*

Далее следует запись, сделанная обвиняемым К.: *«От подписи не отказываюсь, однако, так как моему защитнику – адвокату Р. отказано в ознакомлении с протоколом очной ставки путем использования технического средства – телефона для подробного ознакомления и оказания мне квалифицированной защиты, с полноценным содержанием ознакомиться не могу».*

На последнем листе протокола очной ставки [Приложение к Протоколу очной ставки – Примечание Совета] следователем следственной группы М. указано: *«Отказ от ознакомления с протоколом очной ставки обвиняемого К. и его защитника был произведен и зафиксирован в присутствии понятых...».* Далее следуют анкетные данные понятых, их подписи.

После данной записи адвокатом-защитником Р. указано: *«Я с этим не согласен»*, проставлена подпись адвоката. Обвиняемым К. сделана запись: *«С данным заявлением я не согласен. От подписи не отказывался»*, проставлена его подпись.

Адвокатом У., осуществлявшим в ходе проведения очной ставки защиту обвиняемого Ми., внесена запись следующего содержания: *«После отказа следователя в возможности фотокопирования протокола очной ставки адвокат Р. и его подзащитный отказались подписывать протокол следственного действия в присутствии понятых»*.

Обвиняемым Ми. сделана следующая запись: *«После отказа следователя в возможности фотографирования протокола очной ставки адвокат Р. и его подзащитный отказались подписывать протокол следственного действия в присутствии понятых»*.

Следователем следственной группы Ме., принимавшим участие в ходе проведения очной ставки, в протоколе также указано: *«После отказа следователя в возможности фотографирования протокола очной ставки адвокат Р. и его подзащитный отказались подписывать протокол следственного действия в присутствии понятых»*.

Совет соглашается с оценкой Квалификационной комиссией установленных фактических обстоятельств как правомерного поведения адвоката Р., выразившегося в неподписании им каждой страницы протокола очной ставки от 24 декабря 2019 года и в сделанном в конце протокола заявлением о нарушении его профессиональных прав и права его доверителя на получение квалифицированной юридической помощи.

Прежде всего, Совет обращает внимание на то, что адвокат Р. не имел намерения отказаться от подписания протокола очной ставки, о чем свидетельствует его собственноручная запись: *«от подписи не отказываюсь, однако, в ознакомлении с протоколом очной ставки путем использования технического средства – телефона, следователем безосновательно отказано, что препятствует оказанию мной К. квалифицированной юридической помощи»*.

В соответствии с ч. 6 ст. 166 УПК РФ «протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвующим в следственном действии». По итогам ознакомления лица, участвующие в следственном действии, вправе внести замечания о его дополнении и уточнении, которые должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). Буквальное и логическое толкование этого правового положения свидетельствует о том, что ознакомление с протоколом следственного действия происходит до его подписания. При этом ч. 6 ст. 166 УПК РФ не предусматривает каких-либо ограничений способа и формы ознакомления с протоколом следственного действия как до, так и после его подписания.

Конституционный Суд Российской Федерации последовательно отстаивает позицию о том, что ознакомление с протоколом следственного действия может проводиться в различных формах – путем личного прочтения, переписывания его содержания на отдельные листы бумаги или путем его фотографирования (снятия

светокопий техническими средствами). Так, в Постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующую правовую позицию: «...отказ защитнику в ознакомлении с материалами следствия, которые были добыты с участием подозреваемого или стали ему известны иным образом до признания его подозреваемым, как и ограничение права защитника выписывать из материалов, с которыми он был ознакомлен до окончания следствия, любые сведения и в любом объеме не имеют разумного основания, не могут быть оправданы интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Иное истолкование оспариваемых положений части второй статьи 51 УПК РСФСР противоречило бы также смыслу статьи 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод, и статьи 48 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе право пользоваться помощью адвоката (защитника) по уголовным делам». Приведенная общеобязательная правовая позиция отражает концептуальный подход Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о доступе защитника к материалам уголовного дела и о способах ознакомления с ними. Конституционный Суд Российской Федерации в указанном Постановлении истолковал словосочетание «ознакомление с материалами» не только как их прочтение, но и как перенос их содержания на другой носитель информации (в частности, путем выписывания). При этом право на ознакомление с материалами уголовного дела является составной частью конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе, права пользоваться помощью адвоката (защитника) по уголовным делам.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляшенко Артура Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» содержится правовая позиция, расширяющая истолкование понятия «права на ознакомление с материалами уголовного дела». В частности, указывается, что «регламентация права на ознакомление с материалами уголовного дела в ходе предварительного следствия определяется особенностями данной стадии уголовного судопроизводства и значимостью названного права как гарантии конституционного права на судебную защиту. Закрепляя конкретные механизмы реализации прав на судебную защиту и на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы заинтересованных лиц, федеральный законодатель не может вводить такие правила, которые противоречили бы принципам уголовного судопроизводства и создавали неустранимые препятствия в реализации прав (в том числе права на обжалование действий и решений органов предварительного расследования и суда), приводя тем самым к фактическому их упразднению. К таким последствиям могло бы приводить, в частности, лишение обвиняемого

возможности получать копии обжалуемых им процессуальных решений, а также материалов уголовного дела, могущих подтверждать незаконность или необоснованность оспариваемых им действий и решений».

В этой связи Совет обращает внимание на то, что лишение обвиняемого, равно как и его защитника, возможности получать копии материалов уголовного дела (в том числе, протоколов следственных действий, проведенных с их участием), которые могут подтверждать незаконность или необоснованность действий и решений следователя (дознавателя), приводит к неустранимым препятствиям в реализации права на обжалование и противоречит принципам уголовного судопроизводства.

В развитие этого положения Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «пункт 13 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации прямо закрепляет право обвиняемого снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств, и не связывает возможность его реализации лишь с одной или несколькими стадиями уголовного процесса, он не может расцениваться как препятствующий получению заявителем копий материалов уголовного дела, с которыми он имеет право знакомиться в ходе предварительного расследования...».

Таким образом, приведенные общеобязательные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации прямо предусматривают право обвиняемого и его защитника изготавливать и/или получать, в том числе с помощью технических средств, копии материалов уголовного дела, с которыми они имеют право знакомиться в ходе предварительного расследования. Причем, реализация этого права не связана исключительно с этапом ознакомления с материалами окончательного расследования уголовного дела и распространяется на все этапы производства предварительного расследования.

В Определении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2007 года № 343-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Танюхина Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 46, частью четвертой статьи 47, частью первой статьи 198 и частью второй статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» подтверждение права на ознакомление с материалами уголовного дела до окончания предварительного расследования путем снятия копий получило еще большую конкретизацию. Так, Конституционный Суд Российской Федерации указал следующее: «Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 24 февраля 2005 г. № 133-О, регламентация права на ознакомление с материалами дела в ходе предварительного следствия определяется значимостью названного права как гарантии конституционного права граждан на защиту, в том числе судебную, на данной стадии уголовного судопроизводства; закрепляя конкретные механизмы реализации прав на судебную защиту и на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы заинтересованных лиц, федеральный законодатель не может вводить такие правила, которые противоречили бы принципам уголовного судопроизводства и создавали неустранимые препятствия в реализации участниками уголовного

судопроизводства своих прав (в том числе права на обжалование действий и решений органов предварительного расследования и суда), приводя тем самым к фактическому их упразднению; к таким последствиям могло бы приводить, в частности, лишение обвиняемого права снимать за свой счет копии с предъявляемых ему для ознакомления материалов уголовного дела, связанных с выдвинутым против него обвинением и могущих свидетельствовать о незаконности или необоснованности действий и решений дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора». В приведенной правовой позиции конкретизируется право обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела путем снятия за свой счет копий с предъявляемых им для ознакомления документов.

Наконец, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 924-О-О «По жалобе гражданина Козлова Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, пунктом 1 части второй статьи 75, частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» содержится обобщенная правовая позиция, согласно которой «...реализация обвиняемым указанных возможностей, в свою очередь, обеспечивается наделением его правом знакомиться с материалами уголовного дела и снимать с них копии, в том числе с помощью технических средств. При этом, как следует из сохраняющих свою силу решений Конституционного Суда Российской Федерации (Постановления от 13 ноября 1995 года № 13-П, от 29 апреля 1998 года № 13-П, от 23 марта 1999 года № 5-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, определения от 21 декабря 2000 года № 285-О, от 18 декабря 2003 года № 429-О, от 24 февраля 2005 года № 133-О и от 19 апреля 2007 года № 343-О-П), положения пунктов 12 и 13 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации не могут расцениваться как ограничивающие закрепленные в них права на ознакомление с материалами уголовного дела ознакомлением лишь с какими-то определенными документами и их копированием. Не исключают эти нормы и право обвиняемого снимать копии с являющихся составной частью материалов уголовного дела вещественных доказательств – таких, как видеокассеты, которые содержат информацию, имеющую значение для установления тех или иных обстоятельств». «Указанные решения Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу, а выраженные в них правовые позиции, подтверждающие право обвиняемого снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, с которыми он вправе знакомиться, не могут игнорироваться судами и иными правоприменительными органами в ходе производства по уголовному делу».

Применяя приведенные общеобязательные правовые позиции к обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства, Совет отмечает, что адвокат Р., реализуя предусмотренное ч. 6 ст. 166 УПК РФ право на ознакомление с изготовленным следователем, но еще не подписанным участниками протоколом следственного действия, был вправе самостоятельно избрать любой из доступных способов ознакомления: лично прочитать, выписать из этого протокола любые сведения и в любом объеме, снять за свой счет копию с него, в том числе путем фотографирования с помощью фотокамеры мобильного телефона. Равным

образом адвокат Р. имел право по своему усмотрению использовать комбинацию указанных способов.

Изложенное выше в полном объеме опровергает доводы представления о недопустимости ознакомления с протоколом очной ставки с использованием телефона до полного оформления и подписания протокола.

Совет неоднократно отмечал в своих решениях, что применение защитником технических средств при проведении следственных действий может способствовать объективной фиксации хода и результатов следственного действия путем дальнейшего сравнения фактически полученных результатов с содержанием протокола следственного действия и принесения обоснованных замечаний на протокол следственного действия. Помимо этого, технические средства могут быть использованы защитником в целях фиксации неправомерных действий следователя и/или оперативных сотрудников перед производством следственного действия, в ходе его или по его окончании. Результаты применения технических средств позволят защитнику более эффективно изучать материалы уголовного дела, подготавливать обоснованные жалобы и ходатайства, своевременно реагировать на факты нарушения законодательства должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, что в итоге повысит уровень оказания квалифицированной юридической помощи и полностью соответствует назначению уголовного судопроизводства и защитника в нем. Наконец, использование технических средств при проведении следственных действий может являться средством самозащиты от потенциальных необоснованных обвинений в отношении адвоката в совершении действий, не соответствующих требованиям закона или профессиональной этики.

Действующее законодательство не содержит запрета защитнику применять технические средства при проведении следственных действий, при этом не наделяет следователя полномочиями по даче разрешения на их применение или отказу в этом. Такое ограничение права адвоката не имеет разумного основания и не может быть оправдано законными интересами следствия или иными конституционно значимыми целями.

Одновременно с этим Совет вновь подтверждает последовательно отстаиваемую им позицию о праве адвоката на отказ от подписания протокола следственного (процессуального) действия. Как неоднократно отмечалось, такое поведение адвоката не содержит признаков дисциплинарного проступка, поскольку уголовно-процессуальный закон не только не содержит запрета защитнику отказываться от подписания протокола, но и предусматривает алгоритм действий следователя в случае отказа кого-либо из участников следственного действия от подписания соответствующего протокола.

Уголовно-процессуальное законодательство также не возлагает на обвиняемого и защитника процессуальную обязанность подписывать протоколы следственных (процессуальных) действий и указывать в них свои замечания, а отказ участника следственного действия (в том числе обвиняемого, защитника) подписать протокол этого действия и изложить в нем свои замечания не влечет сам по себе признания производства следственного (процессуального) действия незаконным, а доказательства – недопустимым.

Изложенная позиция в полной мере относится и к случаям неподписания или неполного подписания адвокатом-защитником протокола очной ставки. Совет отмечает, что УПК РФ не ставит законность протокола очной ставки и самой процедуры проведения очной ставки в зависимость от наличия в протоколе очной ставки подписи адвоката-защитника или обвиняемого. Поэтому отказ адвоката от подписания протокола очной ставки не влечет за собой каких-либо правовых последствий, ставящих под сомнение законность процессуального решения или процедуры его проведения.

Законодатель предусмотрел в УПК РФ как возможность возникновения такой процессуальной ситуации (коллизии), так и способ ее разрешения:

«Статья 167. Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия

1. В случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или иного лица, участвующего в следственном действии, подписать протокол следственного действия следователь вносит в него соответствующую запись, которая удостоверяется подписью следователя, а также подписями защитника, законного представителя, представителя или понятых, если они участвуют в следственном действии.

2. Лицу, отказавшемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол...».

В рассматриваемой ситуации очная ставка была проведена следователем следственной группы М., и ее результаты оформлены им соответствующим протоколом, после чего он реализовал свои полномочия, предусмотренные положениями ст. 167 УПК РФ, удостоверив подписями понятых имевший, по его мнению, место отказ обвиняемого К. и его адвоката Р. подписать протокол указанной очной ставки. Каких-либо неблагоприятных для расследования уголовного дела и лично для следователя М. последствий в связи с избранным адвокатом Р. способом реагирования на нарушение его профессиональных прав, а также права его подзащитного на получение квалифицированной юридической помощи, не наступило. Материалы дисциплинарного производства не содержат сведений об обратном.

Приведенное в Заключение Квалификационной комиссии Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2018 года № 3388-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусева Антона Андреевича на нарушение его конституционных прав статьей 167 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ни прямо, ни косвенно не запрещает адвокату-защитнику отказываться от подписания протокола следственного действия и, следовательно, не противоречит приведённым выше правовым позициям и выводам. Изложенный в указанном Определении довод о том, что «статья 167 УПК Российской Федерации – в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами – не предусматривает отказ защитника от подписания протокола процессуального действия (в том числе наряду со своим подзащитным) как меру реагирования на действия (бездействие) лиц, осуществляющих уголовное

судопроизводство, а также как способ отстаивания прав защищаемого им лица и, наоборот, подразумевает для таких ситуаций активные действия с его стороны (заявление ходатайств об устранении недостатков, подача замечаний, принятие мер к внесению в протокол сведений о допущенных нарушениях и др.)» не означает запрета на такие действия и, следовательно, не нивелирует универсальное право обвиняемого и его защитника «использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты» (п. 11 ч. 1 ст. 53, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Совет вновь повторяет, что, как следует из буквального и системного толкования УПК РФ, положения, которые бы запрещали подобное поведение защитника, в нём отсутствуют.

Совет также считает необходимым отметить, что, исходя из установленных Квалификационной комиссией фактических обстоятельств, действия адвоката Р. были обусловлены воспрепятствованием реализации его профессиональных прав и конституционного права его доверителя на защиту со стороны следователя М., который, в нарушение приведенных выше правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, запретил адвокату Р. и его доверителю реализовать право на ознакомление с протоколом очной ставки путем снятия с него копий своими техническими средствами и за свой счет.

Совет считает необходимым обратить внимание и на некоторые особенности изложения дисциплинарного обвинения и фактических обстоятельств в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве. В частности, в нем указывается, что «в качестве защитника обвиняемого К. допущен адвокат Р.». Совет отмечает, что вопрос о «допуске» адвоката к участию в уголовном деле в качестве защитника имел для адвокатского сообщества принципиальное значение, поскольку право обвиняемого на участие адвоката не может быть обусловлено решением следователя о «допуске» или «об отказе в допуске» адвоката. Данная проблема была решена на законодательном уровне 17 апреля 2017 года, когда из ч. 2 ст. 49 УПК РФ было исключено указание на «допуск» адвокатов для участия в качестве защитников, а вместо этой архаичной и не соответствующей смыслу закона процедуры предусмотрен уведомительный характер вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника.

Помимо этого, Совет выражает недоумение дисциплинарным обвинением адвоката Р. во «введении им в заблуждение» своего подзащитного – обвиняемого К. и в «неразъяснении ему процессуальных прав и обязанностей». В связи с этим Совет, прежде всего, отмечает, что в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Во исполнение этого конституционного принципа ч. 1 ст. 11 УПК РФ закрепляет правовое положение, согласно которому именно следователь обязан разъяснить обвиняемому его права, обязанности и ответственность, а также обеспечить возможность осуществления этих прав, а ч. 1 ст. 16 УПК РФ обязывает следователя обеспечить реализацию права обвиняемого на защиту. Применительно к рассматриваемой ситуации именно следователь М. обязан был разъяснить обвиняемому К. его право знакомиться с протоколом очной ставки, в том числе до его подписания, путем снятия с него копий с помощью технических средств, и обеспечить такую

возможность, а не препятствовать ей. Во-вторых, Совет подчёркивает, что адвокат Р. никоим образом не вводил своего подзащитного в заблуждение относительно возможности ознакомления с протоколом очной ставки путём его фотографирования с использованием камеры мобильного телефона, о чём подробно сказано выше. Наконец, в-третьих, от доверителя адвоката Р. - К. каких-либо жалоб на ненадлежащее оказание ему адвокатом Р. юридической помощи не поступало, при этом исключительное право оценивать качество юридической помощи адвоката принадлежит именно получателю этой помощи.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы единогласно

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р., возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 04 марта 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 16.03.2020), основанному на информации старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета Российской Федерации Б., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент

Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков